

Великая монополия (записки Великого государственника)

© В.Г.Гребенников, 1999

В данной работе, написанной в жанре эссе, автор обращается к классической проблеме сущности государства и границ его деятельности в экономике и других сферах социальной жизни, взяв отправной точкой определение этого понятия Максом Вебером. Препарируя конкурирующие модели государства как «орудия классового господства» или «общественного договора», он находит их неадекватными. А самое главное – указанные две модели характеризуются в работе как идеологические отражения двух полюсов тоталитарности: системы «тоталитарного государства» и системы «тоталитарной экономики», в которой форма контрактных отношений овладевает всеми сторонами жизни общества, включая политическую сферу.

1. Предварительные замечания

Тема взаимоотношений государства и экономики, целесообразности и границ государственного вмешательства в хозяйственную жизнь всегда занимала почетное место в науке и политико-экономической публицистике. На этом оселке оттачивали свои выводы все экономические школы, оставившие сколько-нибудь заметный след. Нечего и говорить, насколько возрастает всеобщий интерес к этой теме в периоды крутых поворотов политической и общественной жизни, всегда сопровождающихся экономическими потрясениями. В подоб-

ных ситуациях общественное мнение обычно склонно приписывать государству (олицетворяемому прежним режимом) основную вину за навалившиеся социально-экономические неурядицы – и с милой непосредственностью требовать от государства же (в надежде на добрую волю нового режима) их немедленного устранения. Критика вредоносного засилья государства быстро сменяется обвинениями его в пассивности, либерализм господствующего умонастроения – превознесением авторитарного государственного начала. Профессиональная экономическая наука чаще всего оказывается вовлеченной в эти перемены

общественного мнения. Разумеется, российское общество и российские экономисты не являются исключением.

Чередование взглядов на отношения государства и экономики, добавляя всякий раз перца в проблему (сообразно конкретным историческим обстоятельствам времени и места) и выдвигая новые идеологические формулы и идеологических фигурантов, мало что меняет в исходной трактовке основных понятий, лежащих в основе указанных отношений.

За это трудно винить широкую публику и «практикующих» политиков, но не корпорацию обществоведов, в первую очередь экономистов. В их среде устойчиво преобладает образ общественной структуры и составляющих ее институтов как набора функций, более или менее хорошо согласованных между собой. Наиболее простым вариантом такого видения служит экономическая модель воспроизводства функционально различающихся частей общественного продукта. Государство в этой модели – один из действующих факторов, представленный параметрами бюджета, налоговой политики и т.п. Обогащает картину институциональная модель экономики и общества, хотя и здесь понятие функции остается центральным элементом теоретической системы.

Морфологический подход, анализ формы как таковой и ее внутренней логики, сосредоточенный, если так можно выразиться, на «геометрии» пространства, в котором функционируют (отправляют свои функции) основные институты экономики и общества – вот что должно было бы предшествовать всем другим аспектам исследований, как морфология организмов предшествовала моделям эволюции, физиологии,

генетике, исследованиям поведения животных и законов функционирования больших биосистем. В обществоведческих дисциплинах, если не причислять к ним лингвистику, морфологический ракурс и метод исследования представляют главным образом юридическая наука, методология и результаты которой частично используются в исторических описаниях и концепциях, а также, в какой-то мере, – культурология и структуралистская антропология. Для экономистов (после упадка так называемой «исторической школы») вопросы юридической формы хозяйственных отношений, главным образом гражданско-правовой формы, традиционно считаются сугубо прикладными, а сама эта форма выглядит лишь как досадное, привнесенное исторической конкретикой усложнение картины функциональных взаимосвязей. Главное же, что экономисты могли бы заимствовать у правоведов – морфологический метод – экономисты только начинают замечать. Когда это случается, сразу же приходят новые результаты, как в известной «концепции прав собственности». Поэтому чем чаще в своих суждениях экономисты упоминают о государстве и о собственности, тем ощутимей недостаток понимания этих ключевых институтов именно с точки зрения определенности их формы.

Бледность морфологических очертаний государства в экономических концепциях порождает безоглядную решимость придумывать для него разнообразные наборы функций и действий, мало заботясь об их морфологической реализуемости. Это занятие похоже на вивисекцию, предпринимаемую исходя из критерия – целесообразности, к тому же трактуемой весьма произвольно.

Представленные ниже соображения имеют целью показать, что могло бы дать рассмотрение понятия государства с акцентом именно на его формальные признаки и как это могло бы помочь в понимании его отношений к экономике.

2. Верховная власть

Государство есть публичная организация верховной власти, обладающей монополией на принуждение силой. Обсуждение этого определения начнем с верховной власти.

Наличие верховной власти исключает любое ее разделение на независимые друг от друга субъекты. Другое дело – разделение органов единой верховной власти, выполняющих ее отдельные функции, как и следует трактовать известный принцип Монтескье о «разделении властей». Далее, исключается какая бы то ни было симметрия в отношениях подчинения: если существуют сферы гражданской жизни, куда вмешательство верховной власти не допускается, то нет таких сфер, где частные лица или их объединения могут диктовать ей свою волю.

Наличие верховной власти означает, что по меньшей мере в каких-то пределах она не подчиняется никому. Если эти пределы отсутствуют вовсе, верховная власть является суверенной. Так называемое вассальное государство (каковое часто встречается в стародавние времена, в более позднюю эпоху – Болгария в составе Оттоманской империи) является примером не-суверенной верховной власти, обязанной суверену данью, участием в его военных

мероприятиях и т.п.. Обязанной не по договору, заключенному равноправными сторонами, а в силу подчиненности. Современные образцы не-суверенной верховной власти дает устройство федеративных государств.

Суверенитет, если не играть словами, а следовать их точному смыслу, неделим, он берется или отдается полностью, а не частями. Государства-члены федерации уступают центральной власти суверенитет (полную неподчиняемость кому бы то ни было), но в четко определенных пределах сохраняют за собой статус верховной власти. То есть они независимы от Федерации – независимы в смысле исключения требований подчинения ей или отчета перед ней по соответствующему кругу вопросов. Федерация, поскольку она отличается от унитарного государства не на словах, а по сути, не может принудить государство-член к любым действиям в сфере законодательства и управления или своей волей воспрепятствовать его бездействию, поскольку речь идет о сфере, охватываемой его прерогативами верховной власти. Такого рода прерогативы могут быть более или менее широки в различных типах федеративного государства, но само их наличие принципиально отличает статус не-суверенной верховной власти от статуса так называемых «союзов публичного права», к которым юридическая наука относит муниципалитеты и другие выборные органы местного самоуправления. В деятельности этих союзов, более или менее самостоятельной, нет таких вопросов, по которым воля и надзор верховной власти были бы отстранены полностью. Даже в тех отраслях своей деятельности, где союз публичного права пользу-

ется полной самостоятельностью, он – в отличие от государства-члена федерации – остается лишь одним из органов верховной власти и не может произвольно устанавливать объемы своей деятельности.

С другой стороны, Федерация, поскольку она отличается не на словах, а по сути от союза суверенных государств, немислима без ограничения прерогатив верховной власти государств-членов. Эти ограничения касаются прежде всего порядка изменения внешних границ федерации. Допущение, в какой-либо форме, правомерной возможности такого изменения иначе как по воле центральной власти – и только ее – превращает суверенитет Федерации в фикцию. Любые действия государств-членов по самовольному изменению внешних границ федерации, включая выход из нее, суть действия, опровергающие федеративную форму государственного устройства в принципе. В какой мере центральная власть способна отстоять эту форму, зависит от ее силы и ее благоразумия. В том числе благоразумия своей волей пойти на признание сложившихся обстоятельств, предупреждая худшее: перспективу потери лидерства в сопротивлении негативному ходу событий.

Публичный характер верховной власти – едва ли не самый сложный момент в определении понятия государства. Чаще всего его трактуют, исходя из различения частных интересов и интересов общества как целого, носителем которых и является государство: публичность верховной власти понимается как ее ориентированность на общественные интересы. Сторонники принципа доминирования общественных интересов выводят из него «естественное» основание происхождения верховной влас-

ти и ее вмешательства в частную жизнь граждан, единственным критерием ограничения которого является опять-таки общественная целесообразность: «вмешивайся до тех пор, пока это не наносит вред целому». Сторонники принципа доминирования частных интересов выводят из него «искусственное» основание происхождения государства как инструмента общественной поддержки частных интересов, отводя ему чисто служебную роль, и соответственно подходят к руководящему критерию допустимого государственного вмешательства в частную жизнь: «ограничивай государственное вмешательство до тех пор, пока это не оборачивается угрозой для частных интересов». Специфика самой *формы публичности* верховной власти остается на периферии внимания и той, и другой стороны этого бесконечно длящегося спора.

К тому же разграничение общественных и частных интересов не может быть проведено с необходимой четкостью. Юристы, обсуждавшие эту проблему в связи с демаркацией границ между так называемыми «публичным» и «частным» правом, неоднократно обращали внимание на расплывчатость указанного критерия и на перемены, которые вносились историческим развитием в традиционные объекты публичной и частной юрисдикций. Так, институт собственности, относимый современной правовой практикой к области частно-правовых отношений, в архаических обществах явно обнаруживает публично-правовой характер. Наоборот, феодальная система отношений изобилует примерами решения вопросов публично-правового характера (таких, например, как изменение госу-

дарственных границ) в форме частных сделок, передачи наследственного имущества и тому подобных актов, которые сегодня целиком относятся к сфере гражданского законодательства.

С формальной точки зрения, отношения между верховной властью и ее подданными сводятся к одному требованию – требованию повиновения. Чтобы верховная власть была публичной, это требование не должно выходить за рамки действий, вытекающих из обязанностей верховной власти перед подданными (гражданами). При этом – второй принципиально важный момент – среди этих обязанностей должны быть такие, исполнение которых не предполагает в качестве необходимого повода чьи либо частные притязания. Например, являясь публичной властью, государство преследует широкую область правонарушений без обязательного предъявления имущественных и других претензий со стороны потерпевших лиц. Оно обязано не конкретным лицам с их факultatивными правами обращаться за содействием к верховной власти или воздерживаться от такого обращения. Оно обязано без согласия конкретных лиц на исполнение верховной властью соответствующих действий, следовательно, и согласия на повиновение, обеспечивающее соблюдение публично-правовых норм. Иными словами, речь идет об обязанностях верховной власти, носящих безусловный характер.

Исполнение такого рода обязанностей является исключительной прерогативой верховной власти. Это также необходимый признак ее публичного характера. Наконец, теперь можно указать и на признак, который подразумевается с самого начала, так сказать, лежит на поверхности: открытость, за

отдельными исключениями, процедур и «ритуалов» верховной власти, ее публичность в обычном смысле этого слова. Однако данный признак является производным, выполняет вспомогательную роль по отношению к особому характеру обязанностей, придающему верховной власти публичную форму. Открытость верховной власти, включая процедуры формирования корпорации государственных служащих, способствует нормальному исполнению таких обязанностей. Ограничения открытости препятствуют ему. Примером является роль, которую в судьбе нашего государства сыграл (и продолжает играть) мрачный феномен номенклатуры как замкнутой корпорации, чья жизнь регулируется «теневой» системой правил и секретных инструкций, тщательно скрываемой за официальным фасадом, и контролируется еще более глубоко упрятанными от постороннего глаза спецслужбами.

3. Монополия на применение силы

Государство не может не быть верховной властью, но организация верховной власти – не всегда государство. Родоплеменный строй общества знает верховную власть, но не знает государства. Католическая церковь, построенная по строго иерархическому принципу, есть, в известной сфере отношений, верховная власть. По крайней мере, она была таковой в свое время. Для существования государства необходимо наделение верховной власти монополией на применение силы как средство принуждения. Макс Веберу мы обязаны открытием этого существенного признака государства.

Подразумевается, что объектом монополии является не только применение силы, но и решение о ее применении. Чтобы оценить существенность этой оговорки, представьте мысленно ситуацию, что исключительным полномочием бить кнутом или отрубать головы наделены люди, принадлежащие к корпорации профессиональных палачей, и они исполняют свою работу по просьбам или оплачиваемым заказам всех остальных. Ясно, что не о таком роде монополии идет речь при определении понятия «государство».

Впрочем, в истории встречается немало примеров подобного рода. Они свидетельствуют, насколько сложен и долог процесс очищения государственной формы организации общества от остатков архаического строя отношений. Так, еще в конце XIX века российское законодательство (в отличие от западноевропейских) сохранило весьма широкую трактовку родительской власти, рассматривая ее как пожизненную и предоставляя родителю право применять домашние исправительные меры для укрощения строптивых детей, вплоть до заключения в тюрьму, если только они не состоят на государственной службе. Столкновение государственного и семейно-родового начал в общественных отношениях – в отечественном варианте известного как «домострой» – выпукло проявилось и в том, что строгость личной власти отца (как и мужа) в русском праве компенсировалась правом раздельной собственности на имущество: дети и жена в этом отношении были независимы от отца и мужа.

Монополия на силовое принуждение действует в отношении определенной части населения определенной территории, или

граждан. Гражданин государства – лицо, отказавшееся от применения силы по отношению к другим гражданам по своему произволу. Гражданин уступает верховной власти прерогативу выбирать – а в современных государствах и исполнять через профессиональных государственных служащих, чиновников и военных – насильственные меры воздействия в отношении других граждан, а по мере развития государства вообще всех лиц, пребывающих на его территории. (Для сравнения отметим, что в античных городах-государствах эта уступка не касалась рабов, иноземцев и других лиц, не имеющих статус гражданина, а право насилия над «неполноценными гражданами», несовершеннолетними детьми, женами перекочевало из древности и в более поздние времена). Соответственно, гражданин получает право на защиту своей жизни и своих интересов от опасности любых насильственных действий, не санкционированных и не исполненных государством.

4. Великая Презумпция

Источником монополии силового принуждения является признание верховной власти на данной территории, добровольное или добытое силой во внешних и гражданских войнах. Здесь необходимо сделать самое, пожалуй, существенное уточнение.

Какие бы социальные события и действия их участников не лежали в основе возникновения конкретного государства и его трансформаций, будь то добровольные соглашения или применение силы, любое государство как таковое, как особая форма организации общества, если оно уже суще-

ствуется, не есть ни договор (вспомним теорию Гоббса, за ним Руссо), ни «голый» инструмент насилия (вспомним ленинскую теорию государства как орудия классового господства).

Договорной акт создает государство только в том случае, когда самим договором предполагается, что его участники отказываются в дальнейшем от договорной формы регулирования своих отношений в более или менее строго определенной области, выстраивая их в принципиально иной, вертикальной плоскости «суверен – подданные», «суверен – граждане». Феодальная система Западной Европы, строго говоря, не знала государства, поскольку целостность определенных территорий едва держалась там на так называемом «договоре о вассальной верности» между крупными феодалами-вотчинниками и князем (королем, императором).

С другой стороны, использование государственной монополии на принуждение в интересах экономически доминирующего класса – неоспоримая историческая реальность – не отменяет того факта, что для государственной формы организации общества как раз наиболее существен отказ от использования насилия любой частью общества в отношении другой иначе как через волю суверена, статус которого возвышается над любой частью общественного целого. Поэтому, как и в случае с «договорным» происхождением конкретного государства, насилие как акт отдельного лица или группы лиц ведет к государству лишь тогда, когда самим этим актом подразумевается положить конец всякому самовольному насилию отдельных лиц или их частных (классовых, групповых) объединений.

Иными словами, государственная форма социальных отношений держится не на силе признания (договоре), предполагающей свободу разрыва этих отношений любой из сторон в заранее оговоренных случаях, и не на признании силы, которой в другое время и в других обстоятельствах может быть противопоставлена другая сила. Она держится на презумпции безусловного отказа всех частных лиц от любого повода оспаривать монополию суверена на применение силы – оспаривать силой оружия или ссылкой на договор. Именно эту Презумпцию, осознанно или бессознательно, имеют в виду, говоря об «идеальном» начале государственности, об «идее державности», противопоставляя ее грубой силе или меркантильному интересу.

В силу Презумпции, монополия государства на силовое принуждение аксиоматична, предполагает принципиальный отказ от необходимости ее доказательств в какой бы то ни было форме. Мир, в котором господствовало религиозное сознание, выразил это в формуле – «государство священо!». Его особая, не просто верховная, но и обладающая исключительной монополией на силовое принуждение власть держится не промыслом человеческим, а промыслом Божьим.

Ключевая задача государства – защитить Презумпцию от любых попыток заменить ее Доказательством, в частности, заменить ее Целесообразностью, откуда бы эти попытки не предпринимались, изнутри или извне (только в сложении этих двух аспектов, внешнем и внутреннем, и представит полное значение понятия государственного суверенитета). Защитить всей мощью своего авторитета, при необходимости –

прибегая к вооруженной силе. Дееспособность Презумпции, а вместе с ней и стабильность государства не поддерживается сама собой. Одного принуждения, как всегда в человеческих делах, недостаточно. Необходимо, чтобы безусловный, аксиоматический, не апеллирующий ни к договору, ни к превосходству силы характер монополии на принуждение стал моральным императивом, подчиняющим себе господствующие «нравы», практическое поведение граждан.

Поскольку Презумпция должна быть подкреплена общественным консенсусом и могуществом государственной машины, чего не может быть без поддержки (разумеется, не бескорыстной) экономически господствующего класса – «договорная» и «силовая» модели государства обе несут на себе отсвет истины. Но так как Презумпция ими начисто отвергается – они ложны. Ложны и пагубны для государства вместе с вытекающими из них идеями, такими как «право народа на восстание» и «право наций на самоопределение». Действительно, если государство держится на силе, если решающим аргументом его монополии является перевес силы, то разве баррикада не является вполне допустимым способом проверить этот аргумент, опровергнуть или подтвердить его истинность? Если государство держится на договоре, в частности, на «договоре наций», то разве местный референдум не является вполне допустимым способом проверить аргумент всеобщего согласия с монополией данного государства? Стоит только отказаться от презумпции недоказуемости, встать на путь предъявления новых доказательств или опровержения старых – государство падает. Оно мо-

жет возродиться лишь когда кончается революция (чему активно способствуют сами революционеры) и когда кончается «парад суверенитетов».

5. Сила и право

Монополией на принуждение обладает некий строго определенный субъект верховного суверенитета: идеальный (народ или церковная община как общее имя всех граждан, то есть светская или теократическая республика), реальный (одно лицо или группа лиц, то есть монархия или олигархия). Такие понятия, как «демократия», «аристократия», «тирания» характеризуют не субъекта суверенитета, а формы его представительства в исполнении монополии на принуждение. От имени народа могут править общая «сходка» или выбранные представители всех граждан (демократия), отдельные роды или семьи, а также профессиональные группы, авторитет которых освящен традицией, религиозными верованиями или другими высшими ценностями (аристократия), единовластные правители (тирания). Соответственно, все лица, облеченные функциями исполнения воли верховного суверена, то есть государственные служащие и военные (государственный аппарат), сами по себе монополией на применение силы не обладают. Их деятельность может – но не обязательно должна – регулироваться особыми правовыми нормами, больше или меньше отличающимися от общих норм, установленных для всех граждан (административное право).

Право есть норма общественной жизни, исполнение которой подкреплено монопо-

лией на принуждение силой. Все остальные нормы суть обычаи, подкрепляемые моральными и другими несиловыми санкциями. Главное отличие права от обычая состоит не в формализованном, специализированном характере первого по сравнению с расплывчатостью, слабой дифференцированностью второго, а именно в обеспеченности монополией на силовое принуждение. Разумеется, право и обычаи – пересекающиеся множества норм, совпадающие в большей или меньшей степени. Согласованность правовых норм с обычаями придает жизнеспособность системе права в целом.

Поскольку за правом стоит государственная монополия на определенный вид санкций, создание, изменение и отмена правовых норм также является монополией государства как верховного суверена. Иное противоречило бы сути правовой нормы. Никакое лицо или организация, даже государственный служащий или орган государственной власти, не могут связывать государство обязательствами применения силы. Единственным источником правовых норм может быть только законодательный акт, явно выражающий волю верховного суверена или его легитимного представителя.

Но закон или указ – особая форма выражения «верховой воли». В его основе лежит обязательство суверена применять силу (или препятствовать применению силы другими субъектами) при оговоренных условиях, в оговоренной мере и оговоренными способами. Это означает, что воля суверена выражена в правовой форме. Правовая форма есть самоограничение этой воли. Подчеркнем еще раз: не ограничение со стороны, хотя законодательные акты всегда носят на себе отпечаток воздействия на во-

лю законодателя, особенно в демократической системе, – а именно самоограничение. Пусть даже только по форме, но как раз форма здесь особенно важна.

Когда области, основания, формы и средства силового принуждения определяются произволом государства, оно является неправовым (или самодержавием). В этом смысле самодержцем может быть и народ, а не только монарх. В данном контексте слово «произвол» означает не неограниченность воли, ее, так сказать, самодурство – мыслимы и реально существовали самодержцы, мудрые или легко поддающиеся внушению, волю которых нельзя назвать неограниченной. Произвол противопоставляется здесь не вообще ограниченной воле, а особой, правовой форме ее ограничения: форме взятого на себя одностороннего обязательства, оборотной стороной которого является право граждан требовать его выполнения. Одностороннего в том смысле, что несоблюдение гражданином законов не освобождает государство от своих обязательств по его защите, предполагающей применение силы или угрозу ее применения. В отличие от двусторонних обязательств, вытекающих из контрактов между гражданами или между гражданами и государственными учреждениями, когда последние выступают в роли субъектов гражданского права.

Следуя толкованию понятия «право» в духе изложенного выше, государство как таковое, вне контрактных отношений, не имеет никаких прав, а одни только обязательства. Долг гражданина – не только моральный, но и подкрепленный угрозой наказания – не препятствовать и даже содействовать государству в исполнении его обя-

зательств. Только такого рода требование можно рассматривать как своего рода «право» государства в отношении его граждан.

Монополия государства на применение силы не может быть нарушена. В противном случае это уже не государственная организация общества, а другая (скажем, феодальная, где о государстве можно говорить лишь с большой натяжкой, или первобытная демократия, где о государстве нельзя говорить вовсе). Ликвидация государства как цель, обозначенная в коммунистических и анархистских программах – и, как мы покажем ниже, составляющая последнюю, хотя и маскируемую, задачу идеологии либерализма – в конечном счете может означать одно: ликвидацию монополии на насилие. В расчете либо на исчезновение самой необходимости применять силу в отношениях между людьми, либо на превращение насилия в разновидность услуги, хотя и особого типа (так называемого общественного блага), исполнение которой организуется обществом в той или иной форме контракта. Суть не меняется оттого, что сфера профессионально, то есть корпоративно организованного насилия мыслится в форме «естественной» монополии, а не «совершенного рынка» конкурирующих между собой производителей и потребителей соответствующих услуг. Дело не только в монополии самой по себе, но и в форме ее возникновения и существования – не-контрактной в случае государственной организации общества и контрактной в указанном выше случае. Там монополия является политической, здесь – экономической. Организацией насилия по заказу частных лиц, пусть даже условия заключения такого заказа обставляются особыми оговорками.

Кстати, в феодализме явно проглядывают черты смешения двух типов корпоративной организации насилия. Проглядывают они и в расплывшихся в современных обществах охранных структурах, организованных на частно-предпринимательских началах.

Отказ от профессиональной (корпоративной) организации насилия, с которым большевики как раз и связывали пресловутое «отмирание государства», через всеобщее вооружение народа (милицию) и его непосредственное участие в государственных делах в форме Советов, поскольку он не отменяет отказа частных лиц от самовольного применения силы и в этом смысле сохраняет монополию в данной сфере, сам по себе не означает и ликвидацию государства. Вопрос сводится только к эффективности функционирования государственной машины, не более того. Другое дело – практикуемая во многих современных обществах либерализация прав на приобретение и применение оружия. Этот вид «декорпоратизации» насилия действительно представляет серьезную угрозу для самой сути государственной организации общества.

6. Территориальные границы

Итак, монополия на силовое принуждение не может быть нарушена, поскольку речь идет о сохранении, а не ликвидации государства. Но она имеет границы, изменения которых, собственно, и составляют внешнюю сторону истории государств. Начнем с территориальных границ. Затем рассмотрим важнейшую из функциональных границ, определяющую отношение между государством и экономикой.

Территориальная граница государства (ее «рубежи») устанавливается в военных столкновениях и мирных соглашениях с другим государствами, путем присоединения территорий, не имевших ранее государственного устройства, то есть колонизации в узком смысле слова, гражданских войн или мирного государственного самоопределения отдельных территорий через внутреннюю историческую трансформацию туземных элит или же добровольную «прививку извне», например, приглашение варяжских князей на правление славянскими землями.

Территориальная оформленность государства, что обычно и имеют в виду под его «целостностью», выступает как одна из наиболее принципиальных черт государственной организации общества и оберегается с особой заботой. Экстерриториальное государство – понятие, противоречащее самому себе. Государство без четко обозначенной территории (не обязательно сплошной) – фикция, даже если оно имеет другие, сходные с нормальным государством атрибуты, такие как правительство, представительное собрание, финансы и пр.. В отличие, скажем, от церковной общины. Последняя, даже будучи организована в четкой иерархии «пастырей» и «паствы», имея собственный «фиск» и другие экономические инструменты, сходные с государственными, не требует территориальной локализованности как необходимого условия своего существования. Если она и претендует на это, то, по неизбежной логике вещей, одновременно добиваясь статуса государства, вселенского или национального, как мы видим на примере борьбы римской католической церкви с государями феодальной Европы или сионизма.

Территориальные границы не имеют самодовлеющего значения и для экономической корпорации, в поле зрения которой они попадают лишь в связи с соперничеством за рынки сбыта, источники дешевого сырья и рабочей силы. Космополитизм транснациональных корпораций своим острием направлен не столько против (а часто и совсем не против) межнациональной розни, препятствующей объединению человечества, сколько против государства как формы организации общества. Экономическим корпорациям мешают не государственные границы, из которых они как раз умеют извлекать большую пользу для себя, маневрируя между протекционистским и фритредерским полюсами экономической политики пляшущих под их дудку правительств. Им мешает само государство как противоположный экономическим корпорациям тип социального порядка, символически воплощенный в государственной границе. Хотя, повторим, экономические корпорации умеют, при надобности, пользоваться этим государством.

Космополитическая доктрина всемирного правительства – в целом, антигосударственная доктрина. Не должно вводить в заблуждение, что в своих отдельных аспектах мировое государство представляется, напротив, идеальным завершением многотысячелетней эпохи в историческом развитии государственных институтов, залогом вселенской солидарности народов без войн, экономических катастроф и экологических угроз, провоцируемых государственной разобщенностью. И что будто с государственным объединением человечества резко ускорится качественное развитие государственных институтов.

Что и говорить – вселенское объединение человечества желательно, насущно желательно. Не исключено, что оно достижимо, в более или менее отдаленном будущем. Не исключено и то, что весь мир будет когда-нибудь управляться всемирным правительством, что он станет единым государством. Исключено совмещение этих перспектив. Либо мирное сотрудничество многих государств, сотрудничество людей всех стран через сотрудничество государств и непосредственно. Либо мир, организованный под верховенством одного государства, мир американский, немецкий, китайский или – вспомним – «советский», но это уже не называется объединением. Либо мир, организованный как тотальная корпоративная экономика, как вселенская структура контрактов и только контрактов, управляемая – вот оно, «всемирное правительство» – по образцу транснациональных корпораций и их объединений. Последние, вне сомнения, совершенствуются гораздо быстрее, чем политические институты, по части всякого рода механизмов гибкой централизации, федеративных устройств, участия в управлении и т.п.. Но это будет экономическое объединение мира, объединение только в одной плоскости, возможное только при том условии, что все остальное, неэкономическое, будет в мире *убито*.

Разрушить все, оставив одну экономику. Разрушить уникальный природно-культурный ландшафт, в единстве с которым только и может протекать полноценное человеческое существование, наполненное глубоким смыслом. Разрушить, чтобы расчистить место для всемирно объединенной Системы, насквозь технологизированной и рационализированной, функционирующей

исключительно на базе чисто инструментальных, то есть чисто экономических ценностей-полезностей – такова подоплека доктрины всемирного правительства, чудовищный замысел, упорно пробивающий себе дорогу в мерцающих потемках человеческого сознания и одерживающий одну победу за другой.

Идеал разрушения государственных границ, а вместе с ними и самого государства, возникает и на почве классового антагонизма буржуазии и пролетариата. «Пролетариат не имеет отечества». Последовательный сторонник либерализма примет этот идеал без колебаний. Как и позиция пролетарского революционера, его позиция от начала и до конца корпоративна, за ней стоит только часть общества, хотя и претендующая на экспансию до масштабов целого. Линия раздела пролегает в первом случае между социальными классами («кто был ничем, тот станет всем»), во втором – между экономикой и другими структурами общества, функционирующими на принципиально иных основаниях. Либерал выражает интересы «всей экономики» – и только экономики, которой и должно стать в конечном счете все общество.

Стоит задуматься – почему территориальная оформленность столь важна для государственной организации общества? Какой принцип возвышается за вопросом о границах, если государственная идеология оказывается здесь перед объединенным фронтом, казалось бы, далеких друг от друга корпоративных идеологий – идеологий религиозных конфессий, социальных классов, экономических монополий?

Сторонник прямых путей объяснения исторических феноменов наверняка возра-

зит. Как! Разве территория и границы, ее окружающие, не являются прежде всего хозяйственным ресурсом, что и объясняет первостепенную важность этого фактора с точки зрения любого государства? Было бы глупо отвергать этот очевидный аргумент, но в данном случае речь идет не о том, что важно для существования государства, а о том, что важно для формы государственности как таковой. Ресурсы необходимы всем и всегда, и бесконечные войны и конфликтные ситуации объясняются прежде всего соперничеством за ресурсы. Но фиксация – даже не расширение, а именно фиксация – границ имеет для государства, как раз для него, еще и значение материальной основы, на которой держится вся форма (тогда как Презумпция – ее идеальная основа).

Ближайшую часть объяснения этому можно вывести из необходимых формальных признаков монополии на применение силы, составляющей суть государства. Вещный характер данной монополии (в указанном выше смысле, то есть на языке правоведов – не обязательственный, не имеющий своей необходимой предпосылкой договор между субъектами и вообще наличие личных качеств, частных целей и интересов отдельных субъектов, более того, отрицающий все субъективное в качестве своей предпосылки) наводит на мысль о том, что суверенитет государства может быть определен лишь «в привязке» к объединяющему всех граждан признаку, в котором стерто все субъективное, личное и в то же время сохранена необходимая мера конкретности, очевидности и главное – неподвластности индивидуальному выбору, индивидуальной воле

с ее прихотью соглашаться или не соглашаться.

Этот признак – место рождения, общность места рождения, принадлежность определенной «земле» как Отчизне (мужское начало рождения) и Родине (женское начало). Место рождения, как и само это событие, безальтернативно для человека и определяет безальтернативность его принадлежности данному государству с его конкретной юрисдикцией, в том числе законами о гражданстве и правах гражданина.

Местом рождения автоматически, вне какого бы то ни было волеизъявления (самого человека или, по малолетству, его опекунов) задается если не само гражданство, как в большинстве зрелых государств, то во всяком случае исходная точка, конкретное правило, по которому будет определяться его гражданство. Будет ли это правило включать сословные, этнические или какие-то другие ограничения, предоставляется ли человеку большая или меньшая свобода для последующей перемены гражданства или его родителям для записи о первом гражданстве – это зависит от устройства данного государства. Но всегда государство оказывается уже над колыбелью. Человек рождается в мир, который вырастает, будет готов для него лишь по мере того как он сам вырастает, будет готов для мира. Но человек рождается и в государство. Он и государство готовы, полностью созрели друг для друга уже с официально признанного факта рождения. Человек рождается в Правило, определенное данным Местом.

Если бы государство умерших имело бы какой-то практический смысл, то есть «телом» государства было бы не слитное

пространство мест рождений, а слитное пространство мест смертей, то это было бы лучшим воплощением, апофеозом фундаментальной презумпции, включенной в формулу государства: безальтернативности, внесубъективности факта принадлежности его суверенитету. Те области человеческой жизни, которые организуются в государственной форме (а они, слава Богу, не исчерпывают весь жизненный мир человека), подчинены принципу абсолютного, то есть неподвижного и, следовательно, пустого пространства, включенность в которое может быть определена только внешней границей и только начальной или конечной точками человеческой биографии, в которой человека как субъекта еще нет или уже нет.

Многое в истории Древнего Египта, его искусстве и ритуалах возбуждает ассоциации с огромным некрополем, как символическим представлением этого принципа сверхсубъективной устойчивости, абсолютной внутренней неподвижности государственного тела.

Может быть, прикосновение к этой внутренней неподвижности и ледяной пустоте формы и породило в воображении Ф.Ницше образ государства «как самого холодного из всех чудовищ» – при всем внешнем великолепии, которым окружает себя государство, и пылкости страстей, разыгрываемых им в театре Истории. Н.Бердяев говорил, в сущности, о том же самом: не будучи по природе своей личностью, наделенной душой и волей, государство стремится узурпировать эти качества, отнимая их у личности. Государство – экзистенциальный антипод личности, сам принимающий личину личности, за ее счет.

Специально для горячих поклонников государства, чтобы доставить им некоторое утешение, отметим, что личность и индивид (частное лицо) на языке философов – разные понятия, так что авторитет Бердяева не колеблет их убеждений об «эффективном сотрудничестве» государства и его граждан.

В представленном выше смысле (и во многих других) суверенитет государства по своей сути есть суверенитет не над гражданами и их объединениями, то есть социальными «частями», а над территорией. Причем не над территорией как комплексом объектов, движимых и недвижимых, как имуществом – здесь мы уже перешли бы в сферу собственности и государства как ее субъекта – а над замкнутым пространством, единственной характеристикой которого служат его внешние границы.

Внутренние границы либо выполняют вспомогательную роль в территориальном членении системы государственного управления, то есть выступают как административные границы, либо фиксируют отношения раздела верховной власти между центральным и региональными правительствами, в случае федеративного устройства государства. В какой мере такой раздел принципиально возможен без подрыва самого принципа суверенитета и не являются ли примеры благополучного существования федеративных государств лишь ложными завесами, скрывающими за собой либо действительность унитарного государства, либо действительность союза вполне суверенных, хотя и связанных взаимными договорными обязательствами государств – вопрос, на котором мы уже останавливались выше.

7. Национальное государство

Это понятие – Буратино. Сколько его не выстругивай, опять вылезает нос. Это понятие очень опасно вырывать из исторического контекста, в котором оно получило первоначальный смысл.

Национальное государство есть государство несословное, более широко – есть государство, находящееся в равных отношениях со всеми подданными, без особых привилегий и статусных отличий, полагающихся человеку уже до рождения или в силу каких-то личных признаков, например, религиозных убеждений. Словом, национальное государство есть государство граждан. Граждан в современном, не античном и не средневековом (бюргерском) смысле, который впервые ясно и отчетливо прозвучал в Декларации прав человека и гражданина. Принявшая эту Декларацию революционная Франция стала государством всех французов, национальным государством. Слово «всех», подразумевающее всех населяющих территорию, на которую распространен суверенитет данного государства, здесь ключевое.

В этом смысле можно сказать, что нация создает «свое» государство, а государство создает нацию, освободившись от сословно-кастовых перегородок и дискриминации по этническому признаку. Австро-Венгрия не была национальным государством

не потому, что под скипетром венского императора были соединены «дванадцать языков», а потому, что этническая череполосица ставила его подданных в неравное положение в общем политическом устройстве этого государства.

* * *

Выше мы говорили о том, что тоталитарная экономика – экономика, поглотившая общество вместе с государством – подлинная цель экономического либерализма. Борьба за экономическую свободу *граждан* есть на самом деле борьба за свободу (то есть социально-политическую и социально-культурную независимость) экономической *подсистемы* общества.

Ибо экономическая свобода граждан эффективна только в свободной (автономной) экономике. В неавтономной экономике экономическая свобода граждан дисфункциональна и криминогенна.

Понятия автономной и неавтономной, или внедренной, экономики, связанные с именем Карла Поланьи, относятся к наиболее значительным достижениям экономической мысли двадцатого века. Мы обсудили их в работе «Ассоциации на пройденные темы». Во второй части настоящей статьи мы вернемся к этим понятиям в контексте фундаментальной проблемы «государство и экономика», поиска в ней новые ракурсы и моменты для дискуссии.